

День за днем сменялись в календаре, но в глубине гарема не было радости от появления на свет новой жизни — напротив, атмосфера становилась все более гнетущей.

Все видели, как Императрица день за днем спешит во дворец Гуанлань, и лица придворных, словно скованные наступившими холодами, застыли, разучившись улыбаться.

Лишь Иньюань-ди оставался в стороне от этих дворцовых интриг, будто вовсе не замечая бушующих в гареме скрытых течений.

Он держал на руках своего новорожденного младшего сына и, подобно самому любящему отцу, сиял от счастья, едва не щурясь от удовольствия. Пятый принц рос здоровым, белокожим и пухлым, с нежным румянцем на щеках — просто загляденье. Особенно примечательны были его глаза: унаследовав от рода Су изящный разрез, они светились чистотой и ясностью. Малыш, пригревшись на руках у отца, казалось, уже привык к его запаху — он не плакал и не капризничал, а тихонько глядел на своего родителя широко распахнутыми глазами, с любопытством следя за движением его пальцев.

Сердце Иньюань-ди таяло. Сын, рожденный в зрелые годы, был особенно дорог ему. Когда родились четверо старших принцев, он только вззошел на престол, и власть его была еще не прочна — разве было время наслаждаться радостями отцовства? Позже в гареме и принцессы-то рождались редко, а принцы... И вот, достигнув сорока лет, он наконец обрел пятого сына.

Малыш пошел в мать: на его пухлом личике уже проглядывали тонкие черты её красоты. Держа сына, Иньюань-ди всякий раз задумывался: если бы в свое время Цзялань рос рядом с ним, стал бы он так же тянуться к отцу, как этот кроха?

Всякий раз, вспоминая о своем сыне, юном таланте, затерявшемся где-то вне дворцовых стен, Иньюань-ди невольно стремился окружить Пятого принца еще большей заботой, словно пытаясь этим восполнить нехватку тепла, которую не получил Лу Цзялань.

Су Цзиньхуэй каждый день жила в страхе, и лишь когда Иньюань-ди забавлялся с малышом, она могла позволить себе искреннюю улыбку.

После месяца, отведенного на восстановление, Су Цзиньхуэй еще месяц прилежно лечилась, не жалея самых дорогих снадобий, однако вместо того, чтобы окрепнуть, она становилась все бледнее и изможденнее.

Иньюань-ди мельком взглянул на нее, и в нем наконец проснулось беспокойство о матери Пятого принца. Нахмурившись, он спросил:

— Почему ты выглядишь такой уставшей? — и тут же приказал одарить ее новыми порциями лекарств.

На лице Су Цзиньхуэй заиграла мягкая материнская улыбка, она потянулась к малышу на руках у императора:

— Ваше Величество, я впервые стала матерью. Разве может быть что-то важнее, чем забота о маленьком принце? Пусть я немного похудела, стоит ли это упоминания? Как бы усердны ни были слуги, могут ли они сравниться с материнским сердцем, которое ни на миг не перестает тревожиться?

Иньюань-ди посмотрел на нее, и его взгляд заметно потеплел. За этот год, полный тревог и военных вестей, он уже отвык от такой ласки.

Су Цзиньхуэй опустила голову, смущенно улыбнувшись, но под рукавом ее пальцы до побеления сжимали платок, а опущенные ресницы скрывали мрачный и тревожный взгляд.

Так больше нельзя, думала она. Нельзя сидеть сложа руки. Если все пойдет так и дальше, сын перестанет быть только моим...

— Как бы усердны ни были слуги, у них нет той кровной связи с ребенком, — прошептала она.
— Разве могут они сравниться с материнским сердцем, которое ни на миг не перестает тревожиться?

Иньюань-ди с чувством ответил:

— Ты очень стараешься! Пятый принц действительно под твоим присмотром растет хорошо.

Малыш на руках, словно соглашаясь, заливисто рассмеялся, заставив родителей улыбнуться в ответ.

— Ах ты, кроха! Неужели понимаешь слова отца? — Иньюань-ди подхватил принца и поднял его высоко в воздух. Малыш, казалось, был в восторге от этой игры, беззубо улыбаясь во весь рот.

Су Цзиньхуэй прикрыла рот платком, смеясь:

— Глядя на него, чувствую, что Пятый вырастет большим озорником. Впрочем, пусть лучше будет шумным... Лишь бы не таким холодным, как Лу Сань.

Иньюань-ди опустил ребенка и, словно невзначай, спросил:

— Почему же? Ты считаешь, что у Цзяланя дурной нрав?

Су Цзиньхуэй усмехнулась про себя, но на лице сохранила мягкое выражение:

— Ваше Величество, вы не так меня поняли. Чжуаньюань Лу рассудителен и талантлив не по годам, это, несомненно, прекрасно... Но вот эта его немногословность... Ох.

Она вздохнула и принялась поправлять одежду сына:

— Странно ведь. Он младший сын в семье, на него не давит груз ответственности за клан, родители, братья и бабушка души в нем не чают... Казалось бы, живи да радуйся, а он стал таким...

Су Цзиньхуэй поцеловала сына в щеку и добавила:

— А наш Пятый под защитой четырех старших братьев будет знать лишь радость.

Иньюань-ди внезапно притих.

Ранг Гу Цзинланя пока не позволял ему присутствовать на утренних аудиенциях. В тот день, едва выйдя из Министерства доходов и не успев сесть в карету, он увидел опрятного слугу, который быстро подбежал к нему и сунул в руку записку.

Скрыв движение широким рукавом, Гу Цзинлань с невозмутимым видом сел в карету. Откинувшись на мягкое сиденье, он развернул листок — на нем была лишь одна фраза, вырезанная из письма. Взглянув на нее, Гу Цзинлань бросил бумажку в угольницу, где она мгновенно сгорела.

— Домой, — негромко приказал он, скрыв свои мысли за длинными ресницами.

Спустя несколько дней потребовалось отправить в Императорский кабинет документы из Министерства доходов. Шэнь Хань, будучи занят, поручил это дело Гу Цзинланю. Все знали, что третий сын клана Лу — любимец государя, и, по мнению Шэнь Ханя, император будет куда больше рад видеть своего юного ученика, чем его самого.

Гу Цзинлань согласился. Передав бумаги, он, как и ожидалось, получил приглашение остаться на обед. За столом речь зашла о новорожденном Пятом принце, и Гу Цзинлань вовремя проявил умеренный интерес. Иньюань-ди, не имея срочных дел, решил взять его с собой во дворец Гуанлань.

Император не стал садиться в паланкин и демонстративно прошел через весь Императорский сад, мимо дворца Фэнъи, где жила Императрица, мимо дворца Чусю, где обитала Шуфэй, и наконец достиг дворца Гуанлань. Гу Цзинлань всю дорогу ловил на себе взгляды бесчисленных слуг и наложниц, но погруженный в отцовские чувства Иньюань-ди не заметил, как много в этих взглядах было недоброго.

Гу Цзинлань про себя покачал головой и усмехнулся.

Во дворце Гуанлань Су Цзиньхуэй, уже получившая титул Благородной наложницы Лань, заранее ждала их у входа. Встретившись с ней взглядом, Гу Цзинлань тут же отвел глаза.

Неизвестно, как Су Цзиньхуэй удалось спровадить Иньюань-ди, но, едва проводив его во внутренние покои, она тут же опустилась на колени перед Гу Цзинланем.

Тот вздрогнул, с трудом сохраняя на лице привычную ледяную маску:

— Кузина... что вы делаете?

— Умоляю, спасите меня! — Су Цзиньхуэй, не колеблясь, ударила поклоном в пол.

<http://bllate.org/book/20357/2035251>